
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

DOI 10.24411/1813-145X-2018-10020

УДК 008(091)

М. В. Новиков

<https://orcid.org/0000-0002-2013-1919>

Т. Б. Перфилова

<https://orcid.org/0000-0002-2498-8688>

Периодизация истории культуры человечества в исследованиях Ф. И. Буслаева

Работа выполнена по государственному заданию Минобрнауки России, проект 33.7591.2017/8.9

В статье рассматривается проблема использования Ф. И. Буслаевым центрального для этнографии и истории культуры второй половины XIX в. понятия «цивилизация». Отмечается высокая частотность использования данного понятия. В ряде случаев автор вкладывал в него смысл достижения или успеха, обусловленного развитием образования, литературы, искусства. Однако чаще всего с понятием «цивилизация» Буслаев связывал позитивистскую идею прогресса. В этом контексте понятие «цивилизация» являлось следующей за первобытной стадией развития ступенью культурно-исторической эволюции народа. Вслед за Л. Г. Морганом Буслаев выделяет в ранней истории человечества три ступени – дикость, варварство и цивилизацию, давая характеристику каждой из них. Буслаев выявляет «духовный прогресс» в жизни людей ранних обществ, которым, по его мнению, удалось создать «правильную семью» состоявшейся иерархии с укорененными в обычаях нормами взаимоотношений между близкими и дальними родственниками, представителями разных поколений. В соответствии со своими позитивистскими убеждениями Буслаев подтверждает идею безостановочного прямолинейного «исторического прогресса», в котором он прежде всего выделяет развитие духовных сил человечества, добавляя сюда совершенствование материальной культуры, общественных учреждений и семейного быта. В статье подчеркивается, что в XIX в. наука не располагала даже приблизительными данными о хронологических рубежах этих трех ступеней, поэтому Буслаев и не пытался решить эту проблему. Он, как и другие ученые XIX в., был вынужден домысливать, фантазировать, догадываться о «первобытном строе жизни», отодвигая в сторону точность, конкретность и неопровержимость – эквиваленты позитивистской науки.

Ключевые слова: цивилизация, культура, позитивизм, доисторическая археология, антропология, этнография.

THEORETICAL ASPECTS TO STUDY CULTURAL PROCESSES

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

Mankind Cultural History Periodization in F. I. Buslaev's Researches

In the article is considered the problem of the use of the concept «civilization» by F. I. Buslaev, which was central for ethnography and cultural history of the second half of the 19th century. The high rate of the use of this concept is noted. In some cases the author put in it the sense of achievement or success, caused by development of education, literature, arts. However most often Buslaev connected the positivistic idea of the progress with the concept «civilization». In this context the concept «civilization» was a step of cultural and historical evolution of the people following a primitive stage of development. Following L. G. Morgan Buslaev allocates in early history of mankind three steps – wildness, barbarity and civilization, giving the characteristic to each of them. Buslaev reveals «a spiritual progress» in life of people of early societies who, according to his opinion, managed to make «a correct family» of the taken place hierarchy and the norms of relationship implanted in customs between close and distant relatives, representatives of different generations. According to the positivistic beliefs Buslaev confirms the idea of unceasing rectilinear «historical progress», where he first of all allocates development of spiritual powers of mankind, adding improvement of material culture, public institutions and family life. In the article it is emphasized that in the 19th century the science had no even approximate data on chronological boundaries of these three steps, therefore Buslaev also did not try to solve this problem. He, as well as other scientists of the 19th century, had to conjecture, dream, guess «a primitive system of life», putting aside accuracy, concreteness and irrefutability – equivalents of positivistic science.

Keywords: civilization, culture, positivism, prehistoric archeology, anthropology, ethnography.

© Новиков М. В., Перфилова Т. Б., 2018

Продолжая изучение творчества выдающегося русского ученого Ф. И. Буслаева, начатое в наших предыдущих публикациях [14–16], мы обратили внимание на двоякое использование в культурно-исторических исследованиях ученого понятия «цивилизация», которое определило его подходы к периодизации истории культуры человечества.

В научный лексикон Ф. И. Буслаева слово «цивилизация» вошло еще в 60-е гг., о чем свидетельствуют материалы первого тома «Сочинений по археологии и истории искусства». (*О появлении в научном тезаурусе этого понятия Ф. И. Буслаев был наслышан еще в 30-е гг. XIX в. Будучи студентом второго курса, он, свободно владея французским языком, «осилил» книгу Ф. Гизо «История цивилизации Европы» [5, с. 23], которая для русской общественности «стала важной вехой... в инициализации» данного понятия [1, с. III].*) Например, в статье «О русских народных книгах и лубочных изданиях» (1866 г.) встречаем следующие выражения: «европейская цивилизация», «христианская цивилизация», «средневековая цивилизация», «позднейшая [по отношению к «родной старине». – М. Н., Т. П.] цивилизация», «история цивилизации», «успехи цивилизации», «старобытная европейская цивилизация», «цивилизованные представители массы», «поздняя и случайная цивилизация», «новейшая цивилизация», «российская цивилизация», «цивилизованный класс», «цивилизованные литература и искусство», «плохо привившаяся цивилизация» [6, с. 304–311].

В преобладающем большинстве случаев в слово «цивилизация» вкладывается смысл ‘достижение’ или ‘успех’, определивший подъем литературы, искусства, образованности и других проявлений «духа народа», что делало целесообразным и использование прилагательного «цивилизованный» в значении ‘образованный’, ‘просвещенный’, ‘культурный’. (*В связи с этим интересна следующая фраза: «...цивилизация рассматривалась как нечто отдельное от народа, отвлеченное от жизни, не приносящее массам никакой пользы, но для них обязательное, как нравственное иго... Понятно... что в этом... воспитательном отношении цивилизация, особенно же привитая случайно, извне, и не имеющая связи с жизнью народа, кажется невежеству только татарщиной...» [6, с. 309].*) Кроме этого, предпочтительного для Ф. И. Буслаева, словоупотребления с понятием «цивилизация» он связывал позитивистскую идею прогресса: в этом контексте цивилизация являлась синонимом уровня развития

культуры, ступенью культурно-исторической эволюции народа, которая следовала за первобытной стадией развития.

Статья «Общие понятия о русской иконописи», также написанная в 1866 г., подтверждает сказанное. Автор использовал следующие словосочетания: «начатки политической и религиозной цивилизации», Россия – «младшая по цивилизации» (по сравнению с Европой), искусство – «выражение условий исторической жизни и цивилизации», «успехи цивилизации» [7, с. 3, 4, 38, 192].

В опубликованной в 1873 г. статье «Догадки и мечтания о первобытном человечестве» появляются новые словосочетания, содержавшие термин «цивилизация». Кроме упомянутого ранее выражения «историческая цивилизация» [3, с. 465], присутствуют еще два: «ранняя индоевропейская цивилизация», которая, по мнению ученого, соответствует уже достигнутому этапу «довольно развитой исторической культуры», то есть совпадает со временем образования патриархальной семьи (отцовским принципом наследования имени и имущества, оказанием отцу «божеских почестей») [3, с. 481], а также «цивилизация всего человечества», высоко чтящего Библию [3, с. 482].

В другой статье зрелого Буслаева – «Сравнительное изучение народного быта и поэзии» – частотность использования и слова «цивилизация», и производных от него значительно выше. Помимо уже известного нам выражения «историческая цивилизация» [8, с. 653], интерес представляют фразы: «самая ранняя цивилизация» [10, с. 586], «цивилизация, выработанная историей», «здание многовековой цивилизации» [8, с. 651, 654], «вся последующая цивилизация человеческого рода» [9, с. 296]. Мы встречаем словосочетания: «история цивилизации», «изысканная цивилизация», «кощунство над цивилизацией» античных народов; семантика фразы высшая и низшая «степени цивилизации» совпадает со смыслом словосочетаний «степень исторического развития» и «ступень развития» [8, с. 645, 648, 651, 652, 679 соответственно].

Автор упоминает о «цивилизованном человеке», наследующем «силой привычки» элементы архаичного сознания [8, с. 715], о «цивилизованном обществе» со зрелым эстетическим вкусом и «цивилизованных нравах» [8, с. 651, 671], акцентируя внимание на умственном и интеллектуальном прогрессе человечества, достигнутом по мере развития культуры в том или ином обществе. Ф. И. Буслаев выражает уверенность в том, что у каждой «цивилизованной народности Древнего и

Нового мира» в истории развития культуры найдутся «первобытные пласты, общие всему человечеству» [9, с. 293]. «Цивилизующим» первобытное общество принципом он охарактеризовал переход от «женовластия» к патриархальной семье [9, с. 296, 300]. «Грубые нецивилизованные племена», реликтовые народы, противопоставлены им «так называемым культурным» племенам, которые с изобретением земледелия смогли «развить зачатки семейного, родового и даже государственного быта» [9, с. 321, 323].

Ф. И. Буслаев не исключал роли личности в истории и культуре, поэтому упоминал о «цивилизаторах», например, Прометее и Дедале, которым удалось в лучшую сторону изменить жизнь древних греков [10, с. 578]. «Цивилизованные пришельцы», то есть завоеватели, как и «цивилизаторы», могли ускорить конституирование новых укладов жизни народов земли [10, с. 579].

Активно работая с новым понятием, Ф. И. Буслаев в привычной для него манере применял понравившуюся ему лексическую единицу без каких-либо комментариев и, как обычно, не вдавался в детали семантического разбора, поэтому только смысловое пространство текстов может служить подсказкой для определения значения слова «цивилизация» и производных от него.

Из контекста двух статей начала 70-х гг., привлеченных нами для анализа, следует, что Ф. И. Буслаев начал использовать термин «цивилизация» в двух значениях, принятых в европейских дискурсивных практиках второй половины XIX в.: 1) в значении стадии культурно-исторического развития народа, миновавшего рубеж первобытности, и 2) в значении широко понимаемой культуры, вбиравшей в себя хозяйственный и общественный быт народа, его умственные достижения, психический склад, не придавая при этом значения достигнутой в ходе исторической эволюции степени развития. В этом случае было допустимо и даже оправданно заменять понятие «цивилизация» понятием «культура», как это делал, к примеру, Э. Б. Тайлор [13, с. 398]. Оба понятия считались настолько близкими по значению, что их использовали «безразлично, одно вместо другого» [12, с. 144]. При отсутствии смысловых различий между «цивилизацией» и «культурой» стирались грани, разделявшие доисторические и исторические народы, поэтому признаки цивилизации обнаруживали даже у кочевых племен (Ф. И. Буслаев считал, что длительное сохранение кочевой жизни приводит к «коснению» племен, то есть к задержке развития

их культуры [10, с. 581]), не перешедших к оседлому образу жизни – главному критерию цивилизации. Признавая наличие культуры у «самых диких» народов, исследователи без сомнений приписывали им наличие цивилизации (или присущих ей черт).

Что касается Ф. И. Буслаева, то он без колебаний использовал весь арсенал значений слова «цивилизация», демонстрируя релятивизацию смыслов этого нового для гуманитарных наук понятия (О том, что Ф. И. Буслаев в 70-е гг. не делал различия между понятиями «цивилизация» и «культура», свидетельствуют следующие примеры. Он противопоставлял «призрачную первобытность», которая во временном интервале совпадает с еще не известной наукам «самой седой доисторической древностью», новому этапу в жизни народов – «действительной истории ранней культуры» [3, с. 482]. Аналогичными по смыслу являются оппозиции: «первобытная дикость» («звериная первобытность») и «довольно развитая историческая культура» [3, с. 484, 481]; «ранняя дикость» и «позднейшая культура» [3, с. 504]. Во всех примерах слово «культура» может быть заменено «цивилизацией», что с легкостью предпринимал ученый, как это видно из многочисленных цитат, приведенных нами.), однако чаще всего закреплял за «цивилизацией» значение более высокого уровня культурно-исторического развития народа, по сравнению с самыми ранними (древнейшими, грубейшими) периодами его существования.

Использование Ф. И. Буслаевым выражения «историческая цивилизация», казалось бы, дает основание предполагать, что он не сомневался в наличии «доисторических цивилизаций», мнение о возможности существования которых было довольно распространенным [2, с. 108; 12, с. 147, 148]. Однако, как нам представляется, он был далек от крайности видеть ростки цивилизованности на всех этапах существования первобытных коллективов, особенно на самой ранней стадии социогенеза – дикости. Поэтому он допускал совмещение понятий «цивилизация» и «культура», когда вел речь об «исторических народах», в основном уже миновавших в своем развитии первобытный уклад жизни и приступивших к созданию основ самобытной культуры и государственности. В отношении «благородных индоевропейцев» [8, с. 660] критерии цивилизованного существования были смягчены. Ф. И. Буслаев считает важными признаками цивилизованности упорядоченные семейные отношения, успехи в нравственном бы-

те и религиозном сознании – и награждает ими тех потомков древнейших индоевропейцев, кто, покинув азиатскую прародину в поисках новых мест обитания, оформил племенные союзы и вступил на путь исторического прогресса [3, с. 480, 483; 8, с. 664].

Предположение о том, что для Ф. И. Буслаева цивилизация еще отсутствовала на стадии дикости, не может быть поколеблено даже странным и противоречивым выражением «несколько развитая варварская цивилизация» [10, с. 570], так как оно принадлежало не автору «Сравнительного изучения...», а Э. Б. Тайлору. Почтительное отношение Ф. И. Буслаева к английскому этнографу, доходившее до цитирования и заимствования фактов и идей, все же не нарушило его представления о «седой первобытности» и не увлекло на путь применения к самым ранним периодам существования «человеческих пород», затерянных во «мраке» веков, понятия «цивилизация» вместо понятий «древнейшая культура» или «ранняя культура» [10, с. 570, 571].

Позитивистский настрой Ф. И. Буслаева легко обнаруживается при воссоздании им процесса медленного, плавного, но неуклонного движения первобытных коллективов к прогрессу.

Иллюстрацией идеи прогресса первобытного общества служила известная периодизация первоначальной истории человечества, предложенная американским ученым Л. Г. Морганом. Он выделил три ступени, через которые проходили в совершенствовании хозяйственного и общественного быта многие народы земли, хотя и не одновременно и не в одном и том же порядке: низшую ступень – дикость – сменяет варварство, которое, в свою очередь, со временем уступает место высшей ступени – цивилизации. Л. Г. Моргану удалось наметить границы этих ступеней, связав их с наиболее важными для первобытных людей изобретениями и открытиями.

Аналогичную попытку – проследить основные этапы восхождения первобытных народов от «скотского распложения» к цивилизованному образу жизни – предпринял и Ф. И. Буслаев. Работы известных этнографов и историков культуры (И. Я. Бахофена [9, с. 295–324], Гена [10, с. 686, 591], Э. Б. Тайлора) предоставили ему необходимый для исследований и обобщений материал.

«Обращаясь к дикарям (*Слово «дикарь» появилось в лексиконе европейцев в XVI в., после открытия Америки. Эквивалентами «дикаря» являются «варвар», «первобытный человек». Негативной коннотации во всех этих словах,*

широко использовавшихся в первых исследованиях об американских индейцах, не было – напротив, идеализация их жизни и обычаев возродила миф о «золотом веке», якобы действительно существовавшем у античных народов [13, с. 29–31, 602, 603].) Старого и Нового Света и сближая сведения, доставленные путешественниками, со свидетельствами древних писателей, и особенно Геродота, мы открываем новые данные, которые можно признать более первобытными, нежели те, которые сравнительная лингвистика извлекает из самых ранних свидетельств о первоначальном быте и верованиях народов индоевропейских, – сообщает Ф. И. Буслаев об источниках своей реконструкции периодизации первобытной истории. – Эти народы еще в своей азиатской прародине достигли некоторой степени культуры и потому вышли уже и тогда из первобытного состояния дикости, между тем как быт и религия дикарей представляют нам целый ряд ступеней, по которым человечество от скотского распложения рода-племени постепенно восходило до строя семейного и общественного и от жестоких нравов звероловов до земледельческой культуры, причем – соответственно образу жизни – слагались и развивались самые понятия нравственные и вместе с тем мифологические воззрения» [8, с. 701, 702].

Используя опыт изучения первобытных народов Э. Б. Тайлора, Ф. И. Буслаев предпринимает попытки воссоздать по крупницам информации быт дикарей и специфику их мышления. Он явно не питает симпатии к дикарям, нарушая позитивистский обет объективности и непредвзятости исследований, и делает над собой усилия (не всегда удачные), чтобы скрыть отвращение к их безнравственности и примитивности в организации уклада жизни.

Подобно Э. Б. Тайлору, он создает образ жизни дикарей первобытной эпохи по кальке самых архаичных из известных этнографии реликтовых племен Америки и Австралии [3, с. 504], даже не задумываясь об истинном возрасте архантропов – первых на планете древнейших людей. Но его и интересуют не «первобытные полузвери» [3, с. 495], а уже готовый человек, «человеческие породы» *Homo Sapiens*'а. Поэтому, не пытаясь подражать немецкому ученому О. Каспери, то есть выдумывать и домысливать недостающие факты в отношении первых человеческих видов в процессе антропогенеза, он, встав на твердые основания науки – наработки этнографов и собственные историко-филологические достижения, обнаруживает

факты из жизни первых представителей «людей разумных», без которых не появилась бы и ступень цивилизации.

«Первобытная дикость» ассоциируется у Ф. И. Буслаева со «звериной первобытностью», «звериным состоянием», в котором пребывали «первобытные полузвери» [3, с. 481, 484, 395, 496]. Подчеркивая близость «самых грубых дикарей» к природе, Ф. И. Буслаев красноречиво описывает промискуитетные отношения между полами («коммунальный брак»), возможность вступления в интимные отношения близких родственников («скотское кровосмешение»), наличие матрилинейности в практике установления кровного родства [8, с. 702–709], что во многом определяло доминирующее положение в первобытных коллективах женщин, их «женовластие» [9, с. 296–298].

Экономический быт дикарей был обусловлен присваивающим хозяйством и прежде всего охотой [3, с. 497]. «Звероловный быт... существенная принадлежность самого раннего быта всех дикарей» [3, с. 497], не исключал, тем не менее, проявлений человеческого в человеке, поэтому и этот тип организации хозяйства смог послужить, по рассуждениям Ф. И. Буслаева, подходящей средой для появления «чувствования животных и мифологических представлений», с ними связанных [3, с. 485, 487]. Отталкиваясь от выводов зарубежных ученых (Лациаруса, Мак-Леннона, Мюллера, Тайлора) [8, с. 701], изучавших «мифологию дикарей», то есть реликтовых народов, Ф. И. Буслаев называет тотемизм самым «низшим слоем в истории народных верований» [3, с. 485, 487].

«Великим историческим переворотом» в жизни «раннего человека» явилось, по его убеждению, изобретение огня [3, с. 496, 500]. Ф. И. Буслаев не мог и предположить, что это случилось 1,4 миллиона лет тому назад [11, с. 35], и даже если бы знал об этом, все равно вынес бы вердикт, руководствуясь логикой, а не фактами: изобретение огня «должно было оказать громадное влияние на умственное, религиозное и поэтическое развитие» первобытных обществ [3, с. 500]. Для подтверждения этого умозаключения он приводит сведения из «древнейшей религии и мифологии», которые сохранили намеки поклонения огню и его аватарам: птицам, змеям, колесу [3, с. 501, 504].

Преодолевая в своем воображении «необозримые расстояния исторического развития» [3, с. 477], он переходит к характеристике следующего за дикостью периода – варварства, который, по

его соображениям, уже находился в зоне достигаемости «точных» наук, главным образом лингвистики [8, с. 656, 660; 10, с. 568].

Зная о том, что в этнографии этот период «более развитой культуры» [3, с. 497], по сравнению с бытом звероловов, начинается с изобретения производящего хозяйства, Ф. И. Буслаев уверенно перечисляет те важнейшие изменения (пастушеский быт, «благоустроенный семейный быт» [8, с. 655, 656]), которые имели место в жизни праиндоевропейцев эпохи общеплеменного единства на совместной для них азиатской прародине [8, с. 702].

Черпая сведения из сравнительного языкознания, сравнительной мифологии, сравнительной этнографии, то есть оперируя научно доказуемыми фактами, и прибегая к выводам профессора Базельского университета И. Я. Бахофена, Ф. И. Буслаев углубляется в детали семейных отношений варваров: как «доселе существующих первобытных племен», так и предков греко-римских народов «самого раннего доисторического периода», известного науке [9, с. 294, 295].

Интерес к семейным взаимоотношениям первобытных народов у Ф. И. Буслаева не был предметом праздного любопытства. Семью он рассматривал главным достижением социального быта предков современного человечества, поэтому «вопрос о семье и отношении ее к роду-племени» воспринимал «отправной точкой» исследований по народному быту [3, с. 495]. Семья была для него источником идей, хранилищем представлений и традиций, которые сохраняли живучесть на протяжении тысячелетий, придавая своеобразие современному национальному быту. Семья была важным механизмом существования и развития «рода-племени»; в ней вырабатывались принципы подчинения авторитету и уважение к той высокой – священной – старине, которые скрепляли нравственные устои цивилизации и закладывали фундамент национальной государственности [8, с. 656].

Принимая во внимание эти доводы, Ф. И. Буслаев считал необходимым подвергнуть самому тщательному анализу все изменения семейных отношений, не забывая при этом коррелировать успехи в нравственно-семейном развитии первобытных народов с эволюцией их материальной культуры и усовершенствованием всех проявлений укреплявшегося «духа»: способов восприятия действительности, религиозного сознания, творчества.

Для освещения прогресса в «культуре производства и передачи» технических знаний [10, с. 578] он использовал археологическую периодизацию, соотнося наиболее значимые достижения первобытных людей с каменным веком, медным веком, железным веком [3, с. 502]. Эту принятую и сегодня в археологии схему эволюции материальной культуры первобытных людей Ф. И. Буслаев расширяет за счет включения в нее серебряного и золотого веков [10, с. 570, 611].

Он подробно излагает успехи варваров, достигнутые в культуре земледельческого труда (например, в «культуре вина, оливкового масла и смоквы» [10, с. 5]) и, ссылаясь на исследования Гена, объясняет непреходящее значение для прогресса человечества оседлого земледельческого быта, изменившего язык, верования, «мифическое воззрение на мир» первобытных людей [3, с. 494, 512, 513].

С увлечением знакомясь с новыми для себя и «довольно затруднительными» для уяснения областями научного знания (археология, палеонтология, история первобытного общества) [10, с. 592], Ф. И. Буслаев постигал закономерности в развитии человеческого общества, которые обнаруживались даже в быте и религии дикарей [8, с. 702]. Он смог выявить «духовный прогресс» в жизни первобытных людей, создавших «правильную семью» с оформившейся иерархией и закрепленными в обычаях нормами взаимоотношений между близкими и дальними родственниками, лицами различных возрастных групп [8, с. 656, 659]; осознал величие «нравственного прогресса человечества», осуществившего выход «из первобытного варварства на путь цивилизации» [8, с. 660]; подтвердил позитивистскую идею безостановочного прямолинейного «исторического прогресса», в котором прежде всего ценил «развитие духовных сил человека» [3, с. 500], изъявляя готовность к этому самому главному для него критерию цивилизации добавить успехи в совершенствовании материальной культуры, семейного быта, общественных учреждений [3, с. 494; 8, с. 664, 679].

В работах Ф. И. Буслаева, посвященных истории культуры и истории цивилизаций, мы тщетно пытались бы обнаружить точные хронологические рубежи периодов дикости, варварства, время перехода к ранним цивилизациям, указания на возраст предметов материального быта или новых сфер хозяйственной деятельности первобытных людей. Во второй половине XIX в. наука еще не располагала даже приблизительными данными о степени древности человечества, о характере и

сущности начальных этапов жизни и культуры первобытного общества, предлагая ученым в их суждениях довольствоваться лишь знаниями об этологии животных или логическими умозаключениями предположительной природы о времени появления таких регуляторов общественной жизни, как семья, религия, имущественная и социальная дифференциация. Это объясняет наличие в публикациях Ф. И. Буслаева, наряду с научными терминами («анимизм» [3, с. 490], «первобытная община» [3, с. 494]), выражений, не несущих никакой другой информации, кроме указаний на эмоционально-образное отношение автора к имевшимся в его распоряжении археологическим и этнографическим данным. К ним можно отнести выражения «маститая дряхлость», «ранний человек», «довольно развитая историческая культура» [3, с. 509, 496, 481 соответственно].

Он даже не может предположить, когда возникли первые в истории человечества «ранние цивилизации»: Египетская, Вавилонская, древнеиндийская. Ф. И. Буслаев лишь констатирует, что «жизнь человечества измеряется не столетиями и тысячелетиями, а ее развитием и последовательными событиями, которые составляют историю», поэтому он, подобно Т. Бенфею, осторожно подходившему не только к наидревнейшим эпохам, но и «далекому времени... юности человеческого рода», не считает зазорным просто перечислять «события и перевороты», ставшие вехами в «исторической культуре», и пытаться выяснить причины неравномерности протекания процессов развития народов земли. К примеру, задавшись вопросом, почему «некоторые из дикарей Старого и Нового Света до сих пор коснеют в той грубой первобытности, из которой... за многие тысячелетия вышел уже Древний Египет со своей старобытной премудростью», Ф. И. Буслаев ищет ответ в плоскости миграций племен и наличия или отсутствия возможности для их плодотворного взаимодействия друг на друга [10, с. 568–571].

Релятивизм Ф. И. Буслаева в отношении хронологии истории и культуры первобытного общества проявлялся также в допустимости нарушения последовательности прохождения доисторическими народами установленных этнографами основных этапов их развития. Так, он мог употребить двусмысленную фразу «варварство дикарей» [9, с. 294].

Явные нестыковки обнаруживаются и в выводах ученого, касавшихся самой древней истории индоевропейцев. То он сообщает, что индоевропейцы еще на своей азиатской прародине «до-

стигли некоторой степени культуры и потому уже вышли... из первобытного состояния дикости» [8, с. 702], то, противореча себе, утверждает, что «в незапамятную эпоху, до своего разделения», индоевропейские народы, «прошедши сообща через долгий период темного варварства в кровосмесительном, зверском нарождении племен», все-таки смогли еще на своей прародине выработать «благоустроенный семейный быт» [8, с. 652].

Получается, что переход от промискуитетных отношений к упорядоченному семейному быту он связывал то с периодом варварства, доказывая возможность достижения первобытными людьми более высокой ступени развития по мере совершенствования их нравственности, то со ступенью дикости, когда, по его же словам, еще обитали «первобытные полузвери».

Очевидно, что при отсутствии точных критериев неуклонного совершенствования человеческого общежития на ранних этапах человеческой истории представить во всех деталях, во всем разнообразии и сложности процесс социогенеза было невозможно. Уровень развития доисторической археологии, антропологии, истории первобытного общества и в конце XIX в. был еще очень низким: эти науки не давали неопровержимой, точно датированной информации даже об узловых – «поворотных» – моментах жизни первобытных людей, не приступили к консолидации разрозненных сведений о материальном производстве, семейно-бытовом укладе, духовно-психическом развитии предков человечества.

Ф. И. Буслаев это хорошо осознавал, с пессимизмом констатируя, что «ни законы сравнительной грамматики, ни данные антропологии о человеческих породах не дают руководящей нити в том мраке, который окружает ранние успехи исторической культуры» [10, с. 571]. При современном состоянии науки, резюмировал он, «нельзя требовать надлежащей отчетливости и определенности» в реконструкции народного быта в «доисторическое время» [10, с. 572, 591]. Это вынуждало всех представителей ученого мира (*Любопытным примером в связи с этим является цитата из сочинения «Первобытная культура» Э. Б. Тайлора, которую Ф. И. Буслаев приводит в статье «Сравнительное изучение народного быта и поэзии»: «Прежде чем возникла классическая культура, – говорит Тейлор, – культура Египта достигла своей наибольшей высоты, и позади этого времени находится несколько меньше цивилизованный век царей пирамид, а еще далее находится неопределенный ряд веков, которые потребны*

были для произведения подобной цивилизации» [10, с. 569, 570]. Очевидно, что и главе английской антропологической школы с трудом давались точные формулировки; туманные неопределенные фразы ему, как и Ф. И. Буслаеву, приходилось применять при соотнесении продуктов материальной и духовной культуры доисторических и исторических народов с установленными историками временными интервалами.), и Ф. И. Буслаев в том числе, домысливать, фантазировать, догадываться о «первобытном строе жизни» [4, с. 425], отодвигая в сторону точность, конкретность, неопровержимость – эквиваленты «позитивной» науки.

«Младенческий возраст» новых наук о человеке и обществе, начавших свое существование во второй половине XIX в., может объяснить и многочисленные анахронизмы в работах этнографов, принимавших реликтовые народы за точный аналог доисторических первобытных племен, и оценочные – вместо беспристрастных – суждения о грубости быта и нравов людей «доисторической формации» [6, с. 305], которыми грешили первые труды по «народной психологии». Ф. И. Буслаев видел будущее этих наук в опоре на «грамматическую точность и строгие приемы школы филологической и лингвистической» [9, с. 294], хотя его собственные попытки осмыслить весь необъятный массив информации о начальном этапе существования человечества и при помощи одного только сравнительно-исторического метода изучения «языков и народов всего земного шара» [9, с. 294] внести ясность хотя бы в семейно-нравственные установления первобытных людей умопомрачительных успехов не имели.

Вместе с тем расширение источниковой базы за счет новых групп источников ему было важно для дополнительного обоснования уже сделанных на основе лингвистических данных выводов о древнейших формах сознания индоевропейцев – это делало востребованными материалы, относившиеся к другим языковым семьям. Кроме того, корректировку основных положений концепции народности [8, с. 654] можно было осуществить, только осознав универсальные закономерности развития наднационального «духа человеческого», обнаружив его проявления «в религии, поэзии, искусстве, нравах и обычаях» [3, с. 460, 462, 466, 467] народов Земли.

Библиографический список

1. Асоян, Ю. А. Исчезнувшая цивилизация: Цивилизационные подходы в советском идеологическом дискурсе 1920–1930-х гг. [Текст] / Ю. А. Асоян // Мир

культуры и культурология: Альманах Научно-образовательного культурологического общества России. – Вып. 1. – СПб.: Изд-во Русской гуманитарной христианской академии, 2011. – С. 111–116.

2. Асоян, Ю. А. Понятие «культура» в языке русской этнографии (1880–1890 гг.) [Текст] / Ю. А. Асоян // Мир культуры и культурология: Альманах Научно-образовательного культурологического общества России. – Вып. 1. – СПб.: Изд-во Русской гуманитарной христианской академии, 2011. – С. 104–110.

3. Буслаев, Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Сочинение по археологии и истории искусства: в 3 т. – Т. 1. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1908. – С. 452–522.

4. Буслаев, Ф. И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Разбор сочинения Г. Забелина [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Сочинение по археологии и истории искусства: в 3 т. – Т. 1. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1908. – С. 418–433.

5. Буслаев, Ф. И. Мои воспоминания / Изд. В. Г. фон Боля [Текст] / Ф. И. Буслаев. – М.: Тип. Г. Лиснера и А. Гешеля, 1897. – 387 с.

6. Буслаев, Ф. И. О русских народных книгах и лубочных изданиях [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Сочинение по археологии и истории искусства: в 3 т. – Т. 1. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1908. – С. 303–366.

7. Буслаев, Ф. И. Общие понятия о русской иконописи [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Сочинение по археологии и истории искусства: в 3 т. – Т. 1. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1908. – С. 1–193.

8. Буслаев, Ф. И. Сравнительное изучение народного быта и поэзии [Текст] / Ф. И. Буслаев // Русский вестник, издаваемый М. Катковым. – М., 1872. – № 10. Октябрь. – Т. 101. – С. 645–727.

9. Буслаев, Ф. И. Сравнительное изучение народного быта и поэзии [Текст] / Ф. И. Буслаев // Русский вестник. – 1873. – № 1. Январь. – Т. 103. – С. 293–329.

10. Буслаев, Ф. И. Сравнительное изучение народного быта и поэзии [Текст] / Ф. И. Буслаев // Русский вестник. – 1873. – № 4. Апрель. – Т. 104. – С. 568–649.

11. Всемирная история: в 6 т. / гл. ред. А. О. Чубарьян. – Т. 1. Древний мир / Отв. ред. В. А. Головина, В. И. Уколова [Текст]. – М.: Наука, 2011. – 822 с.

12. Каринский, Д. Цивилизация [Текст] / Д. Каринский // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – Т. XXXVIII. – СПб.: Тип. акц. об-ва Брокгауз – Ефрон, 1903. – С. 144–153.

13. Коккьяра Дж. История фольклористики в Европе [Текст] / Пер. с ит. А. Венедиктова и М. Кирилловой; ред. и вступ. ст. Е. Мелетинского. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – 690 с.

14. Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Рецепции культурологических идей Я. Гримма в фольклорно-мифологических исследованиях Ф. И. Буслаева [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 1. – С. 294–305.

15. Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Философские основания «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Верхневолжский филологический вестник. – 2017. – № 1. – С. 104–110.

16. Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Концептуально-методологические основания второго этапа творчества Ф. И. Буслаева [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 6. – С. 268–275.

Bibliograficheskij spisok

1. Asojan, Ju. A. Ischeznuvshaja civilizacija: Civilizacionnye podhody v sovetskom ideologicheskom diskurse 1920–1930-h gg. [Tekst] / Ju. A. Asojan // Mir kul'tury i kul'turologija: Al'manah Nauchno-obrazovatel'nogo kul'turologicheskogo obshhestva Rossii. – Vyp. 1. – SPb.: Izd-vo Russkoj gumanitarnoj hristianskoj akademii, 2011. – S. 111–116.

2. Asojan, Ju. A. Ponjatije «kul'tura» v jazyke russkoj jetnografii (1880–1890 gg.) [Tekst] / Ju. A. Asojan // Mir kul'tury i kul'turologija: Al'manah Nauchno-obrazovatel'nogo kul'turologicheskogo obshhestva Rossii. – Vyp. 1. – SPb.: Izd-vo Russkoj gumanitarnoj hristianskoj akademii, 2011. – S. 104–110.

3. Buslaev, F. I. Dogadki i mechtanija o pervobytnom chelovechestve [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Sochinenie po arheologii i istorii iskusstva: v 3 t. – T. 1. – SPb.: Tip. Imperatorskoj Akademii nauk, 1908. – S. 452–522.

4. Buslaev, F. I. Domashnij byt russkih carej v XVI i XVII stoletijah. Razbor sochinenija G. Zabelina [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Sochinenie po arheologii i istorii iskusstva: v 3 t. – T. 1. – SPb.: Tip. Imperatorskoj Akademii nauk, 1908. – S. 418–433.

5. Buslaev, F. I. Moi vospominanija / Izd. V. G. fon Boolja [Tekst] / F. I. Buslaev. – M.: Tip. G. Lissnera i A. Geshelja, 1897. – 387 s.

6. Buslaev, F. I. O russkih narodnyh knigah i lubochnyh izdanijah [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Sochinenie po arheologii i istorii iskusstva: v 3 t. – T. 1. – SPb.: Tip. Imperatorskoj Akademii nauk, 1908. – S. 303–366.

7. Buslaev, F. I. Obshhie ponjatija o russkoj ikonopisi [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Sochinenie po arheologii i istorii iskusstva: v 3 t. – T. 1. – SPb.: Tip. Imperatorskoj Akademii nauk, 1908. – S. 1–193.

8. Buslaev, F. I. Sravnitel'noe izuchenie narodnogo byta i poezii [Tekst] / F. I. Buslaev // Russkij vestnik, izdavaemyj M. Katkovym. – M., 1872. – № 10. Oktjabr'. – T. 101. – S. 645–727.

9. Buslaev, F. I. Sravnitel'noe izuchenie narodnogo byta i poezii [Tekst] / F. I. Buslaev // Russkij vestnik. –

1873. – № 1. Janvar'. – T. 103. – S. 293–329.

10. Buslaev, F. I. Sravnitel'noe izuchenie narodnogo byta i poezii [Tekst] / F. I. Buslaev // Russkij vestnik. – 1873. – № 4. Aprel'. – T. 104. – S. 568–649.

11. Vsemirnaja istorija: v 6 t. / gl. red. A. O. Chubar'jan. – T. 1. Drevnij mir / Otv. red. V. A. Golovina, V. I. Ukolova [Tekst]. – M.: Nauka, 2011. – 822 s.

12. Karinskij, D. Civilizacija [Tekst] / D. Karinskij // Jenciklopedicheskiy slovar' / Izd. F. A. Brokgaуз, I. A. Efron. – T. XXXVIII. – SPb.: Tip. akc. ob-va Brokgaуз – Efron, 1903. – S. 144–153.

13. Kokk'jara Dzh. Istoriya fol'kloristiki v Evrope [Tekst] / Per. s it. A. Venediktova i M. Kirillovoj; red. i vstup. st. E. Meletinskogo. – M.: Izd-vo inostr. lit-ry, 1960. – 690 s.

14. Novikov, M. V., Perfilova, T. B. Recepcii kul'turologicheskikh idej Ja. Grimma v fol'klornomifologicheskikh issledovanijah F. I. Buslaeva [Tekst] / M. V. Novikov, T. B. Perfilova // Jaroslavskij pedagogicheskiy vestnik. – 2017. – № 1. – S. 294–305.

15. Novikov, M. V., Perfilova, T. B. Filosofskie osnovanija «Opyta istoricheskoy grammatiki russkogo jazyka» F. I. Buslaeva [Tekst] / M. V. Novikov, T. B. Perfilova // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. – 2017. – № 1. – S. 104–110.

16. Novikov, M. V., Perfilova, T. B. Konceptual'no-metodologicheskie osnovanija vtorogo jetapa tvorcestva F. I. Buslaeva [Tekst] / M. V. Novikov, T. B. Perfilova // Jaroslavskij pedagogicheskiy vestnik. – 2017. – № 6. – S. 268–275.

Reference List

1. Asoyan Yu. A. The disappeared civilization: Civilization approaches in the Soviet ideological discourse of the 1920–1930-s / Yu. A. Asoyan // the World of culture and cultural science: Almanac of Scientific and educational culturological society of Russia. – Issue 1. – SPb.: Publishing House of the Russian Humanitarian Christian Academy, 2011. – Page 111–116.

2. Asoyan Yu. A. Concept «culture» in the Russian ethnography language (1880–1890) // World of culture and cultural science: Almanac of Scientific and educational culturological society of Russia. – Issue 1. – SPb.: Publishing House of the Russian Humanitarian Christian Academy, 2011. – Page 104–110.

3. Buslaev F. I. Guesses and dreams about primitive mankind / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. The composition on archeology and history of art: in 3 v. – V. 1. – SPb.: Printing House of Imperial Academy of Sciences, 1908. – Page 452–522.

4. Buslaev F. I. A family life of the Russian tsars in XVI and XVII centuries. The analysis of G. Zabelin's composition / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. The composition on archeology and history of art: in 3 v. – V. 1. –

SPb.: Printing House of Imperial Academy of Sciences, 1908. – Page 418–433.

5. Buslaev F. I. My memoirs / Produced by W. G. von Boolja / F. I. Buslaev. – M.: Printing House of G. Lissnera and A. Geshelya, 1897. – 387 pages.

6. Buslaev F. I. About Russian national books and basten editions / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. The composition on archeology and history of art: in 3 v. – V. 1. – SPb.: Printing House of Imperial Academy of Sciences, 1908. – Page 303–366.

7. Buslaev F. I. The general concepts about the Russian iconography / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. The composition on archeology and history of art: in 3 v. – V. 1. – SPb.: Printing House of Imperial Academy of Sciences, 1908. – Page 1–193.

8. Buslaev F. I. Comparative study of national life and poetry / F. I. Buslaev // the Russian bulletin issued by M. Katkov. – M., 1872. – № 10. October. – V. 101. – Page 645–727.

9. Buslaev F. I. Comparative study of national life and poetry / F. I. Buslaev // Russian bulletin. – 1873. – № 1. January. – V. 103. – Page 293–329.

10. Buslaev F. I. Comparative study of national life and poetry / F. I. Buslaev // Russian bulletin. – 1873. – № 4. April. – V. 104. – Page 568–649.

11. World history: in 6 v. / editor-in-chief A. O. Chubaryan. – V. 1. Ancient world / Editor-in-chief V. A. Golovin, V. I. Ukolov. – M.: Nauka, 2011. – 822 pages.

12. Karinsky D. Civilization / D. Karinsky // Encyclopaedic dictionary / Produced by F. A. Brockhaus, I. A. Efron. – V. XXXVIII. – SPb.: Printing House of Brockhaus – Efron Society, 1903. – Page 144–153.

13. Kokkiyara J. Folklore studies history in Europe / translated from Italian by A. Venediktov and M. Kirillova; editor and foreword author E. Meletinsky. – M.: Izdatelstvo Inostrannoy Literatry, 1960. – 690 pages.

14. Novikov M. V., Perfilova T. B. Receptions of Ya. Grimm's culturological ideas in F. I. Buslaev's folklore and mythological researches / M. V. Novikov, T. B. Perfilova // Jaroslavl Pedagogical Bulletin. – 2017. – № 1. – Page 294–305 /

15. Novikov M. V., Perfilova T. B. Philosophical bases of «Experience of Russian Historical Grammar» by F. I. Buslaev / M. V. Novikov, T. B. Perfilova // Upper Volga Philological Bulletin. – 2017. – № 1. – Page 104–110.

16. Novikov M. V., Perfilova T. B. Conceptual and methodological bases of the second stage of F. I. Buslaev's creativity / M. V. Novikov, T. B. Perfilova // Jaroslavl Pedagogical Bulletin. – 2017. – № 6. – Page 268–275.